

ПРЕСС-АКЦИЯ «ПОКОРМИТЕ ПТИЦ!»

ДАВАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ!

* * *

Тверской бульвар. Здесь, кажется, вчера
Андрей Платонов подметал дорожки.
Шёл семинар у Федина. И кошки
У мусорного ссорились ведра.

Москва спешила в тёплое метро,
Несла коврижки, булочки,
картошки...
Андрей Платонов подметал дорожки,
По вечерам дописывая «Фро».

А утром на скамеечке сидел
И сыпал воробьям с ладони крошки.
Ах, слово! Для него ты – свет в окошке,
Тебя он в эти дни не проглядел.

Писал. Творил. Так гении творят.
Он жил в какой-то тесной боковушке.
Шутили институтские подружки:
– Наш дворник сочиняет, говорят!

А он входил с Природою в родство,
Сердечный вёл урок чистописанья...
Бессмертие, и слава, и признание –
Всё это будет! Только без него...
Владимир СКИФ

Старый скрипач-музыкант любил играть у подножия памятника Пушкину. Этот памятник стоит в Москве, в начале Тверского бульвара, на нём написаны стихи, и со всех четырёх сторон к нему поднимаются мраморные ступени. Поднявшись по этим ступеням к самому пьедесталу, старый музыкант обращался лицом на бульвар, к дальним Никитским воротам, и трогал смычком струны на скрипке. У памятника сейчас же собирались дети, прохожие, тещи газет из местного киоска, – и все

Птица – символ одухотворённости, символ души. Покормить птиц – значит напитать свои души добрыми чувствами, обрести утраченную одухотворённость. Покормите птиц. Будьте добры. Будьте культурны.

но, поодаль на земле, сел воробей. Музыкант удивился, что эта птичка ещё не спит и даже в темноте вечера занята работой на своё пропитание. Правда, за день сейчас трудно накормиться: все деревья уже уснули на зиму, насекомые умерли, земля в городе гола и голодна, потому что лошади ходят редко и дворники враз убирают за ними навоз. Где, на самом деле, питаться в осень и в зиму воробью? Ведь и ветер в городе слаб и скуден меж домами, – он не держит воробья, когда тот протирает утомлённые крылья, так что воробью приходится всё время ими махать и трудиться.

Воробей, обследовав всю крышку футляра, ничего полезного на ней для себя не нашёл. Тогда он пошевелил ножками денежные монеты, взял из них ключом самую мелкую бронзовую копейку и улетел с ней неизвестно куда. Значит, он не даром прилетал – хоть что-нибудь, а взял! Пусть живёт и заботится, ему тоже надо существовать.

На другой вечер старый скрипач открыл футляр – на тот случай, что если прилетит вчерашний воробей, так он может покормиться мякотью хлеба, который лежал на дне футляра. Однако воробей не явился, наверное, он наелся где-нибудь в другом месте, а копейка ему не годилась никуда.

Старик всё же терпеливо ожидал воробья, и на четвёртые сутки он опять увидел его. Воробей без помехи сел на хлеб в футляре и поделовому начал клевать готовую пищу. Музыкант сошёл с памятника, приблизился к футляру и тихо рассмотрел небольшую птичку. Во-

играл последней вещью «Зимнюю дорогу» Шуберта и собирался затем уходить на покой. В тот час из середины ветра и снега появился знакомый седой воробей. Он сел тонкими, ничтожными лапками на морозный снег; потом походил немного вокруг футляра, задуваемый по всему телу вихрями, но равнодушный к ним и безбоязненный, – и перелетел внутрь футляра. Там воробей начал клевать хлеб, почти зарывшись в его тёплую мякоть. Он ел долго, наверное целых полчаса времени; уже метель почти полностью засыпала снегом помещение футляра, а воробей всё ещё шевелился внутри снега, работая над своей пищей. Значит, он умел наедаться надолго. Старик подошёл к футляру со скрипки и смычком и долго ожидал среди вихря, когда воробей освободит футляр. Наконец воробей выбрался наружу, почистился в маленьком снежном сугробе, кратко проговорил что-то и убежал пешком к себе на ночлег, не захотев лететь по холодному ветру, чтобы не тратить напрасно свою силу.

На следующий вечер тот же воробей опять прибыл к памятнику Пушкину; он сразу же опустился в футляр и стал клевать готовый хлеб. Старик глядел на него с высоты подножия памятника, играл оттуда музыку на скрипке и чувствовал добро в своём сердце. В этот вечер погода стояла тихая, словно усталая после вчерашней едкой позёмки. Наевшись, воробей высоко взлетел из футляра и пробормотал в воздухе небольшую песню...

Утром долго не светало. Проснувшись в своей комнате, музы-

звучала плохо в пустоте комнаты, она трогала лишь одну-единственную душу скрипача, а этого было мало, или душа его стала бедной от старости лет. Он перестал играть. На улице шёл поток урагана, – худо, наверно, теперь воробьям. Старик подошёл к окну и послушал силу бури сквозь замороженное стекло. Неужели седой воробей и сейчас не побоится прилететь к памятнику Пушкину, чтобы поесть хлеба из футляра?

Седой воробей не испугался снежного урагана. Только он не полетел на Тверской бульвар, а пошёл пешком, потому что внизу было немного тише и можно укрываться за местными сугробами снега и разными попутными предметами.

Воробей тщательно обследовал всю окрестность вокруг памятника Пушкину и даже порылся ножками в снегу, где обыкновенно стоял открытый футляр с хлебом. Несколько раз он пытался взлететь с подветренной стороны на голые, обдутые ступени памятника, чтобы поглядеть, не принёс ли туда ураган каких-нибудь крошек или старых зёрен; их можно было бы поймать и проглотить. Однако буря сразу брала воробья, как только он отрывался от снега, и несла его прочь, пока он не ударялся о ствол дерева или трамвайную мачту,

и тогда воробей поскорее падал и зарывался в снег, чтобы согреться и отдохнуть. Вскоре воробей перестал надеяться на пищу. Он разгрёб поглубже ямку в снегу, сжался в ней и задремал: лишь бы ему не замёрзнуть и не умереть, а буря когда-нибудь кончится. Всё-таки воробей спал осторожно, чутко, следя во сне за движением урагана. Среди сна и ночи воробей заметил, что снежный бугор, в котором он спал, пополз вместе с ним, а затем весь снег вокруг него обвалился, рассеялся, и воробей остался один в урагане.

Воробья понесло вдаль, на большой пустой высоте. Здесь даже снега не было, а только голый чистый ветер, твёрдый от собственной сжатой силы. Воробей подумал, свернулся потеснее своим телом и заснул в этом урагане.

Вспавшись, он проснулся, но буря по-прежнему несла его. Воробей уже немного освоился жить в урагане, ему было даже легче сейчас существовать, потому что он не чувствовал тяжести своего тела и не нужно было ни ходить, ни летать, ни заботиться о чём-либо. Воробей огляделся в сумраке бури, – ему хотелось понять, какое сейчас время: день или ночь. Но увидеть свет или тьму сквозь сумрак он не сумел и опять съёжился и уснул, стараясь сберечь тепло хотя бы внутри себя, а перья и кожа пусть остывают.

Когда воробей проснулся во второй раз, ему всё ещё несла буря. Он стал теперь уже привыкать к ней, только его брала забота о пище. Холода воробей сейчас не чувствовал, зато и тепла не было, – он лишь дро-

жал в этом сумраке и потоке пустого воздуха. Воробей снова сжался, стараясь не сознавать ничего, пока ураган не обойдётся.

Проснулся воробей на земле, в чистой и тёплой тишине. Он лежал на листьях большой зелёной травы. Неизвестные и невидимые птицы пели долгие, музыкальные песни, так что воробей удивился и послушал их некоторое время. Затем он убрал и почистил свои перья после выюги и пошёл кормиться.

Здесь, наверно, шло вечное лето, и пищи поэтому было много. Почти каждая трава имела на себе плоды. На стеблях меж листьями висели либо колосья с зёрнами, либо мягкие стручки с мелкими пряными лепёшками либо открыто росла крупная съедобная ягода. Воробей клевал весь день, пока ему не стало стыдно и отвратительно; он опомнился и перестал есть, хотя мог бы покушать ещё немного.

Прослав ночь на травяном стебле, воробей с утра опять начал питаться. Однако он съел теперь немного. Вчера от сильного голода он не заметил вкуса пищи, а сегодня почувствовал, что все плоды трав и кустарников были слишком сладкими либо, наоборот, горькими. Но зато в плодах содержалась большая питательность, в виде густого, почти опьяняющего жира, и воробей на второй же день слегка пополнен и залоснился. А ночью его стала мучить изжога, и тогда воробей затосковал по привычной кислоте простого чёрного хлеба; его мелкие кишки и желудок заскулили от ощущения тёплой, тёмной мякоти в футляре музыканта у памятника Пушкину.

Вскоре воробей стал вовсе печальным на этой летней, мирной земле. Сладость и обилие пищи, свет воздуха и благоухание растений не привлекали его. Бродя в тени зарослей, воробей нигде не встретил ни знакомого, ни родственника: тут воробьи не жили. Местные, тучные птицы имели разноцветные, красивые перья; они обыкновенно высоко сидели на древесных ветвях и пели оттуда прекрасные песни, словно из их горла происходил свет. Эти птицы редко, потому что достаточно было склевать одну жирную ягоду в траве, чтобы насытиться на весь день и на всю ночь.

Воробей стал жить в одиночестве. Он постепенно облетал всю здешнюю страну, поднимаясь от земли чуть выше кустарника, и повсюду наблюдал густые рощи трав и цветов, толстые низкие деревья, поющих, гордых птиц и синее, безветренное небо. Даже дожди здесь шли только по ночам, когда все спали, чтобы ненастье не портило никому настроения.

Спустя время воробей нашёл себе постоянное место для жизни. Это был берег ручья, покрытый мелкими камнями, где ничего не росло, где земля лежала более скудной и неудобной.

В береговой расщелине там ещё жила одна змея, но у неё не было яда и зубов, она питалась тем, что глотала влажную почву, как червь, – и мелкие земляные животные оставались у неё внутри, а съёванная земля исходила обратно прочь. Воробей подружился с этой змеей. Он часто являлся к ней и смотрел в её тёмные, приветливые глаза, и змея тоже глядела на воробья. Затем воробей уходил, и ему становилось легче жить в одиночестве после свидания со змеей.

Вниз по течению ручья воробей увидел однажды довольно высокую, голую скалу. Он взлетел на неё и решил ночевать здесь, на возвышенном камне, каждую ночь. Воробей надеялся, что когда-нибудь настанет буря и она сорвёт его, спящего, с камня и унесёт обратно домой, на Тверской бульвар. Первую ночь спать на прохладной скале было неудобно, однако на вторую ночь воробей уже привык и спал на камне, глубоко, как в гнезде, согреваемый надеждой на бурю.

(Окончание в следующем номере)

Андрей Платонов ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР Притча

они умолкали в ожидании музыки, потому что музыка утешает людей, она обещает им счастье и славную жизнь. Футляр со своей скрипки музыкант клал на землю против памятника, он был закрыт, и в нём лежал кусок чёрного хлеба и яблоко, чтобы можно было поесть, когда захочется.

Обыкновенно старик выходил играть под вечер, по первому сумраку. Для его музыки было полезней, чтоб в мире стало тише и темней. Беды от своей старости он не знал, потому что получал от государства пенсию и кормился достаточно. Но старик скучал от мысли, что он не приносит людям никакого добра, и поэтому добровольно ходил играть на бульвар. Там звуки его скрипки раздавались в воздухе, в сумраке, и хоть изредка они доходили до глубины человеческого сердца, трогая его нежной и мужественной силой, увлекавшей жить высшей, прекрасной жизнью. Некоторые слушатели музыки вынимали деньги, чтобы подарить их старику, но не знали, куда их положить: футляр от скрипки был закрыт, а сам музыкант находился высоко на подножии памятника, почти рядом с Пушкиным. Тогда люди клали гривенники и копейки на крышку футляра. Однако старик не хотел прикрывать свою нужду за счёт искусства музыки; пряча скрипку обратно в футляр, он осыпал с него деньги на землю, не обращая внимания на их ценность. Уходил домой он поздно, иногда уже в полночь, когда народ становился редким, и лишь какой-нибудь случайный одинокий человек слушал его музыку. Но старик мог играть и для одного человека и доигрывать произведение до конца, пока слушатель не уходил, заплакав во тьме про себя. Может быть, у него было своё горе, встревоженное теперь песней искусства, а может быть, ему стало совестно, что он живёт неправильно, или просто он выпил вина...

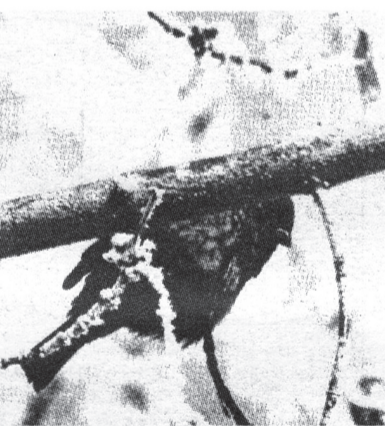
В позднюю осень старик заметил, что на футляр, лежавший, как обыч-

робей был вздохмаченный, головастый, и многие перья его поседелели; время от времени он бдитительно поглядывал по сторонам, чтобы с точностью видеть врага и друга, и музыкант удивился его спокойным, разумным глазам. Должно быть, этот воробей был очень стар или несчастен, потому что он успел уже нажать себе большой ум от горя, беды и долготы.

Несколько дней воробей не появлялся на бульваре; тем временем выпал чистый снег и подморозило. Старик, перед тем как идти на бульвар, ежедневно крошил в футляр скрипки мягкий тёплый хлеб. Стоя на высоте подножия памятника, играя нежную мелодию, старик постоянно следил взором за своим открытым футляром, за близкими дорожками и умершими кустами цветов на летней клумбе. Музыкант ожидал воробья и тосковал по нём: где он теперь сидит и согревается, что он ест на холодном снегу? Тихо и светло горели фонари вокруг памятника Пушкину, красивые чистые люди, освещённые электричеством и снегом, мягко проходили мимо памятника, удаляясь по своим важным и счастливым делам. Старик играл дальше, скрывая в себе жалкое чувство печали по небольшой усердной птичке, которая жила сейчас где-то и изнемогала.

Но прошло ещё пять дней, а воробей всё не прилетал гостить к памятнику Пушкину. Старый скрипач по-прежнему оставлял для него открытый футляр с накрошенным хлебом, однако чувство музыканта уже затомилось от ожидания, и он стал забывать воробья. Старику много пришлось забыть в своей жизни безвозвратно. И скрипач перестал крошить хлеб, он теперь лежал в футляре целым куском, и только крышку музыкант оставлял открытой.

В глубине зимы, близ полуночи, началась однажды позёмка. Старик

кант-пенсионер услышал пение выюги за окном. Морозный, жёсткий снег несся по переулку и застил дневной свет. На оконное стекло ещё ночью, во тьме, легли замороженные леса и цветы неизвестной волшебной страны. Старик стал любоваться этой воодушевлённой игрою природы, точно природа тоже томилась по лучшему счастью, подобно человеку и музыке.

Идти играть на Тверской бульвар сегодня уже не придётся. Сегодня поёт буря, и звуки скрипки будут слишком слабы. Всё же старик под вечер оделся в пальто, обвязал себе голову и шею шалью, накрошил хлеба в карман и вышел наружу. С трудом, задыхаясь от затвердевшего холода и ветра, музыкант пошёл по своему переулку к Тверскому бульвару. Безлюдно скрежетали обледенелые ветви деревьев на бульваре, и сам памятник уныло шелестел от трущегося по нём летящего снега. Старик хотел положить хлебные комки на ступеньку памятника, но увидел, что это бесполезно: буря тотчас же унесёт хлеб, и снег засыплет его. Всё равно музыкант оставил на ступени свой хлеб и видел, как он исчез в сумраке бури.

Вечером музыкант сидел дома один; он играл на своей скрипке, но кому было его слушать, и мелодия

В оформлении заголовка использованы: фрагмент рисунка Владимира Татлина (1939 г.) и работа фотохудожника Евгения Захарова (2003 г.).

Автор и ведущий пресс-акции «Покормите птиц!»
Анатолий СОСУНОВ.